ЗИНАИДА РИХТЕР

В СОЛНЕЧНОЙ АБХАЗИИ И ХЕВСУРЕТИИ

БИБЛИОТЕКА ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИСТА

„ФИЗКУЛЬТУРА И ТУРИЗМ"

ПРОВЕРЕНО 1935 Г.

КА ПРОЛЕТАРСКОГО ТУРИСТА

ЗИНАИДА РИХТЕР

В СОЛНЕЧНОЙ АБХАЗИИ
и
ХЕВСУРЕТИИ

ПРОВЕРЕНО 1944

„ФИЗКУЛЬТУРА и ТУРИЗМ"

МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

Обложка работы худ. Н. Борова и Г. Замского.
Фис № 100.

Мособлит №11.850. Тираж 10.000.

Типо-литография Центросоюза. Москва, Денисовский, 30.

ОТ АВТОРА.

В книжку эту вошли мои путевые очерки о Кавказе, печатавшиеся на страницах центральных газет в 1923—24 г.г.

В первые годы после освобождения Кавказа от меньшевиков и укрепления власти советов связь с горцами была сопряжена с большими трудностями. Разрушены были дороги, в горах бродили вооруженные шайки белобандитов. Были и такие горные закоулки, где за время революции не признавалась никакая власть.

Задачей журналиста в эти годы и было проникнуть в глубинные места Кавказа, рассказать о них, привлечь к ним общественное внимание и интерес.

В СОЛНЕЧНОЙ АБХАЗИИ

Все южные черноморские кавказские города, как обсыпанный сахаром душистый вязкий рахат-лукум, быстро надоедают.

Приехав с севера, день—два. не больше, чувствуешь себя превосходно. Солнце, горы, море, тропическая природа опьяняют. Это настроение еще усиливают кахетинское и туземное. И не пробуйте отказываться: вы на Кавказе.

Проходят дни, все то же: декоративная зелень, посеребренные луной волны, одни и те же праздничные толпы на набережной. Выстроившиеся в ряд продавцы воды, с боченками в зелени за спиной, щелкающие гранеными кружками, как кастаньетами: «Суук-Су, Суук-Су! Холодный, чистый вода!». «Казино» в восточном духе, стоны зурны, шашлык.

В Сухуме, на набережной, в один из первых вечеров, любуясь экзотическими опахалами финиковых пальм, эффектно освещенными электрическими лампочками, лунной тропой в море над

затонувшим, некогда пышным греческим городом Диоскурией, я невольно сказала своему спутнику, местному поэту.

— Счастливый, постоянно живете среди этакой красоты.

— А вы могли бы,—сказал он,—проводить день и ночь, месяцы, годы в былых времен «Стрельне»? Здесь та же «Стрельна». Летом и зимой — вечно видишь одну и ту же зеленую декорацию.

Приезжие и курортные видят и знают только Абхазию-«Стрельну», вечно зеленую, феерическую, праздничную, Абхазию, которую можно видеть с автомобиля.

Быстро мчит мотор, покачивая и подбрасывая, создавая особое возбуждающее впечатление полета. В лицо дышит ароматный зной. Навстречу бегут выстроившиеся вдоль шоссе чопорные, строгие, словно католические монахи, перебирающие четками и слушающие проповедь, почти черные капарисы, голые, напоминающие воинов-индусов, эквалиптусы, грезящие на яву, как сомнамбулы, чинары. С одной стороны — яркая синева моря и неба, с другой—не менее яркая зелень Абхазских гор, за которыми высятся мраморные вершины главного хребта.

Белые сухумские дачи утопают в зеленой пене садов—кипарисов, пальм, акаций. По мох-

натым стволам взбираются голубые мышки— гроздья глициний.

Оставив автомобиль, бродите, как во сне, среди пальм, бананов, лавровишен, уродливых, гигантских кактусов, похожих на зеленые спруты, австралийских араукариев и других чудовищ, словно порожденных извращенной фантазией, охраняющих изящные, пунцовые мелкие японские розы, камелии, азалии.

Потом, опьянев от воздуха, солнца и цветов, в прохладной бывшей монастырской трапезной, расписанной картинами страшного суда, за длинным «апостольским» столом пробуется сладкое монастырское вино, а великан-эконом, пряча лукавые, скоромные глаза, рассказывает вам о прошлом монастырском быте, о монашеских «подвигах».

Курорты, монастыри, сады—это не Абхазия. Провести сезон в Сухуме или Гаграх не значит быть в Абхазии. Абхазов тут почти нет. Вы встречаете тех же москвичей и ленинградцев, отдыхающих работников.

Подлинная, цельная, самобытная Абхазия вдали от лазоревого побережья, его лжекультуры, в глубине гор, главным образом по реке Бзыби.

Трогательна история небольшого народа абхазцев, населяющих один из самых прекрас-

ных уголков в мире; история, полная слез, страданий и подвигов.

Царское правительство долго боролось с непокорными абхазцами и проявило в отношении их исключительную жестокость. Для абхазского «виновного» населения было создано особое военно-народное управление, т.-е. управляла и расправлялась военщина. Абхазам было запрещено селиться близ морского побережья, а также в нагорной полосе, чтобы они не могли иметь сообщения с Турцией и северо-кавказскими горцами.

Все лучшие земли горной полосы побережья были розданы сиятельствам, генералам, священникам или переселенцам-грекам, мингрельцам. Абхазы частью были истреблены; другие вынуждены были переселиться в Турцию.

После советизации многие из абхазов, эмигрировавших в Турцию и взявших с собою в мешочке, надетом на шею, горсть родной земли, вернулись обратно.

В одном селении вернувшийся после революции из эмиграции старик-абхаз, ему лет сто, водил меня к дорогим ему могилам, к липе, посаженной его отцом, плакал и радовался, что все это ему пришлось увидеть, что его кости будут покоиться в земле его отцов.

Советская власть дала абхазам независимость, которую они всегда героически отстаи-

вали. В Сухуме только в приемной предсовнаркома можно получить представление о крестьянской самобытной Абхазии. К тов. Лакобе, или как его попросту крестьяне называют в глаза и за глаза, к Нестору, идут со всяким делом, минуя все инстанции, в уверенности, что он выслушает и рассудит. Предсовнаркома Абхазии т. Лакоба пользуется любовью крестьян и всего населения. Тов. Зиновьев, когда был в Абхазии, пошутил, что Абхазию следовало бы переименовать в Лакобистан.

Маленького роста с трубкой у уха, Нестор Лакоба всегда оказывался победителем в турнирах с меньшевиками. На всех с'ездах, конференциях в нужный момент, когда надо было отстаивать интересы Абхазии, раздавался его тонкий, пронзительный голос:

— Товарищи, от имени трудовой Абхазии...

Во время предвыборной кампании в учредительное собрание в Сухум приехали меньшевистские лидеры, агитаторы. Об'явили собрание в городском театре. Лакоба от имени небольшой тогда большевистской группы требовал, чтобы ему дали высказаться. Ему не давали говорить. Лакоба горячился, кричал:

— Я требую, чтобы голос Абхазии был выслушан.

Но «голосу Абхазии» предложили замолчать и покинуть театр. Тогда Лакоба прыгнул

на сцену и... выхватил кинжал. В ярусах театра тоже засверкали кинжалы. Там был брат Нестора, Миша Лакоба, и другие товарищи.

Эффект получился поразительный. Меньшевистские лидеры покинули эстраду. Театр в одно мгновение опустел. Остались только сочувствующие Лакобе, который сел на председательское место и об'явил собрание открытым...

Во главе абхазского правительства стоят абхазы, местные люди. Многие из них получили начальное образование в школе Афонского монастыря. Монастырская школа дала много революционеров.

Помню, в Новом Афоне, в вышневом саду, предабуика и драматурга Чанба, вероятно вспомнив, как учеником таскал у монахов фрукты, влез на вишневое дерево. Сидевший со мною в тени пожилой монах в широкополой соломенной шляпе, в белой рабочей полотняной рубахе и штанах, не гармонировавших с его длинной косой, посматривая вверх на Чанбу, полушутливо говорил:

— Учил я его грамоте, не думая тогда, что из него на мою голову выйдет большевик-безбожник.

Интеллигенции в Абхазии мало. Получивших университетское образование абхазов можно по пальцам перечесть. Учитель Симон Басария, автор книги об Абхазии, живший долго в Тур-

ции, рассказывал мне много интересного о турецкой эмиграции, о выходцах с Кавказа во времена царизма.

Он утверждает даже, что одряхлевшая Турция давно сошла бы со сцены, если бы в нее не влилась эта живая сила абхазской эмиграции. Во главе кемалийского движения в Турции стояли абхазы или черкесы. Многие полководцы турецкой армии—абхазы или черкесы. Такие имена, как, например, маршал Фуад-паша, знаменитый генерал-кавалерист Ахмет-Абук-паша, Назим-паша, Басарь, командовавший турецкой армией в Балканскую войну, и десятки, сотни полководцев—с Абхазского побережья. Немало также в Турции гражданских деятелей, ученых из абхазов: профессор Азиз-бей Мкерина, профессор Мустабей Бутба и др.

По переселении в Турцию абхазы созвали свой парламент, «меджилис», члены которого были Абдул-Гамидом частью казнены, частью сосланы в триполитанскую пустынь. Черкесский меджилис вновь был открыт после турецкой революции. Ассимилировавшиеся в Турции абхазы все же не забывают родины. Их села в Турции носят абхазские названия.

...Среди интернационального населения Абхазии в Кодорском районе, в селении Адзюбиса, живет несколько семейств негров. Когда-то их продали в рабство абхазским князьям. Негры

давно ассимилировались, породнились с абхазами, считают себя коренным населением. Они очень трудолюбивы, честны, горды по-абхазски.

Принц Ольденбургский, владелец Гагр, много раз соблазнял их жалованьем, лакомыми блюдами со своего стола, богатой одеждой, но они не пошли к нему служить, украшать своими черными фигурами его покои.

Я видела на скачках этих негров, джигитующих, как истые абхазы.

Мы приехали в селение Адзюбиса. Негритянский дом с виду ничем не отличается от абхазского. Во дворе нас никто не встретил (по неведению, мы сделали бестактность, взяли проводником бывшего дворянина, предки которого купили негров).

Мы заглянули в летний, плетеный из веток шалаш, в котором увидели больную, раскидавшуюся в жару, негритянку; возле нее сидела маленькая девочка и пальмовой веткой отгоняла мух. На стене висела гитара,—негры хорошо играют на этом инструменте.

Постояв у больной, мы снова вышли во двор, удивляясь, что нас никто, вопреки абхазскому обычаю, не приветствует. Наконец, черный хозяин, немножко напоминающий Дядю Тома, все же вышел к нам, а на балкон высыпали женщины с детьми. Многие из детей светлее родителей—смешанная кровь.

Я попросила переводчика об'яснить цель нашего посещения и задала несколько обычных вопросов: откуда они, как им живется.

Негр стоял молча, опустив глаза. За него стала что-то горячо, вызывающе говорить его мать,—черная, с красными вывороченными губами старая негритянка.

Переводчик был очень смущен и не сразу согласился перевести мне, что она сказала.

А сказала старая негритянка следующее:

— Ты, мой сын, не умеешь ответить этой женщине, как надо. Она спрашивает, как мы сюда попали, а ты спроси у нее, как попали сюда русские.

Я просила переводчика передать ей, что уважаю ее гнев и извиняюсь за любопытство. И поспешила к автомобилю.

Негритянка остановила меня, протянула руку и, желая, видимо, загладить резкость, сказала мне на прощанье несколько ласковых слов.

ТУЗЕМНЫЕ СКАЧКИ

В кабинете зампредсовнаркома застаю в сборе всех наркомов Абхазии: тов. Бахтадзе (зампредсовнаркома и предчека), Чанбу (предабцика), Бения (наркомзем)и др.

Совещание весьма серьезное—о предстоящих народных скачках в Сухуме. Не думайте, что это шутка или ирония. Скачки в Абхазии имеют большое историческое, национальное и политическое (смычка города с деревней) значение.

В Абхазии скачками интересуется все население: и крестьяне, и горожане. К скачкам задолго готовятся (выдерживают скакунов в холодной воде, на специальном корме, не дают им соли и т. д.). В дни скачек крестьяне забрасывают даже полевые работы, а в советских учреждениях приостанавливаются все дела. Накануне скачек и до окончания их никто ни о чем ином не говорит, не думает. Абхазы соперничают из-за пальмы первенства, и великое счастье и гордость для целого района, если приз возьмет свой односельчанин.

Послушали бы вы, с какой горячностью, с каким живым интересом обсуждали наркомы подробности скачек, количество заездов, расстояние, вес наездников и т. д. На них лежит вся административная ответственность.

Наркомы обсуждали все подробности, касающиеся скачек, как партийцы, политики и как истые абхазцы.

Скачки я видела в тот же день, после совещания, в Гумистинском уезде, близ селения Дранды, а через два дня—в Сухуме.

Мы мчались в сел. Дранды на автомобиле, обгоняя всадников, направлявшихся на скачки. Мы встретили много абхазок верхом, под зонтиками, к сожалению, чаще не в национальном, а в европейском платье и легких цветных шарфах.

В сел. Дранды мы обедали у крестьянина-абхазца. Перед обедом жена его, по обычаю, вынесла медный таз и кувшин с водой, чтобы мы вымыли руки; на стол было подано все, что нашлось в доме. Пили из рога, произносили тосты за присутствующих гостей и хозяев, стариков, советскую власть. Хозяева не садились и прислуживали нам.

Обедали и отдыхали во дворе, под сенью старого каштана, а мимо, по дороге, все время ехали всадники и проводили превосходных скакунов. Абхазские лошади в старину ценились наравне с арабскими.

Мы под'ехали к месту скачек. Скачки еще не начинались. Ждали, когда станет прохладнее, а пока устроили танцы. Всадники образовали первый круг, за ними пешие зрители, женщины и дети, в центре круга—танцоры.

Снежные вершины, ближе—зеленые горы, и на этом фоне—сгрудившиеся всадники в ярких и строгих черных черкесках, распущенные и завязанные красивым узлом башлыки, легкие, как розовое облако, шарфы женщин, зонтики, дула винтовок, нетерпеливые кони, возбужденные лица.

В толпе преобладают мингрельцы и абхазцы, но есть и другие национальности, даже арабы из соседних деревень.

Необычно живописное, оригинальное, яркое зрелище. Звучит зурна—национальный инструмент. Абхазец в черкеске, с пьяными не от вина, а от веселья и солнца глазами, вызывает:

— Береулова Ксения.

Девушка лет 16, в голубом платьице, с черными ниспадающими косами. В танце она едва касается легкими ногами пыльной травы и неровностей круга.

Насильно втолкнули в круг и заставили протанцовать лезгинку по-абхазски предабцика тов. Чанбу и наркомзема тов. Бениа. Наркомы ока-

зались превосходными танцорами и плясали с большим увлечением.

В день скачек в Сухуме в местной газете «Голос Трудовой Абхазии» передовица была посвящена скачкам. На скачки с'ехались со всей Абхазии.

Но в Сухуме скачки не носили того непосредственного характера, как в селе Дранды. Тут были и трибуна, и буфеты, и оркестр. Много милиции; место пробега отгорожено канатом. На трибунах—туземные, национальные костюмы перемешались с городскими дамскими туалетами. Солнце палило беспощадно. Зрелище было необычайное и яркое.

М. Лакоба и Бениа, превосходные наездники, гарцовали и джигитовали перед трибуной. Тов. Бахтадзе, председатель жюри, отдавая распоряжения, имел вид полководца на поле генерального сражения.

Гудаутцы, кодорцы, гумистинцы взволнованы. В прошлом году взяли приз гудаутцы, и другим во что бы то ни стало хочется отыграться. Первые два заезда—на выносливость. Первый заезд 20 верст. Ни одна из наших лошадей не выдержала бы, а абхазские приходят даже свежими.

На лошадей сажают малышей 8—10 лет в ярких получеркесках и туго завязывают им белым платком голову, чтобы не было головокружения.

Они скачут, подбадривая лошадей дикими, резкими криками.

Наездникам на шестах подают мокрые платки, которыми они на-ходу обтирают лошадям ноздри и глаза.

Любопытно в это время следить за толпой, за выражением лиц хозяев скакунов. Возгласами, жестами они издали подбодряют своих лошадей и наездника. Не выдержав, один из них вырывается за канат и, вцепившись в уздечку опережающей лошади противника, старается ее задержать. С разных концов к нему во весь дух скачут милиционеры, не менее взволнованные скачками, чем жюри и публика.

Говорят, что умные абхазские лошади сами иногда хватают зубами обгоняющего всадника и сбрасывают его на землю.

Достаточно услышать знакомый, подбадривающий голос, как усталая лошадь снова рвется вперед. Я следила за одним пожилым крестьянином, когда его лошадь стала уставать: из его глаз потекли слезы.

На этот раз снова взяли верх гудаутцы; кодорцам и гумистинцам достались вторые и третьи призы.

На скорость первый приз взяла лошадь тов. М. Лакобы (замнаркомвнудела) и второй—тов. Бахтадзе.

В селениях с нетерпением ждут результатов скачек. Первому, кто принесет радостную весть, дарят ценный подарок—седло, корову.

Взявший приз устраивает пир, который стоит ему, конечно, значительно дороже, чем полученные в награду деньги.

Но дело не в деньгах, а в чести.

ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ БЫТ

В горной Абхазии, в районе реки Бзыби, сохранился нетронутый быт. Не верится, что вы всего в нескольких верстах от шоссе и побережья с его «культурой».

На Кавказе я знаю два таких удивительных, самобытных уголка: В. Сванетию и Бзыбскую Абхазию. Но насколько В. Сванетия дика, сурова, настолько радостна, благодушна Бзыбская Абхазия, «медом и млеком текущая»... Изумрудные берега Бзыби плодородием, изобилием, светом, красками напоминают нечто библейское, идиллическое.

В Бзыбской Абхазии еще не исчезли патриархальные обычаи гостеприимства. Пастухи, зарезав барана, часть вареного мяса развешивают на ветвях у тропы, чтобы путник мог утолить голод. На проезжих дорогах встречаются крытые беседки, в которых абхазы также ставят еду в деревянных чашках и питье для путников.

Девственные леса поражают красотой и изобилием пород: самшит (кавказская пальма), ро-

доденд рум, лавро-вишня, каштан, граб, дуб, разные клены, орехи, черешни; стволы обвиты лианами и плющем, все пронизывают лучезарные, золотые нити.

Не думайте, что медовые реки существуют только в сказке. Учителя, возвратившиеся из экспедиции, рассказали мне, что натолкнулись в лесу на ручей из меда. Мед стекал в ручей из пещеры, где роились дикие пчелы. Из этой медовой реки, припав, пил чернобурый медведь...

В горах, в зелени, повсюду разбросаны памятники древности, напоминающие о войнах Митридата и египетских полчищах Рамзеса, о греческих и генуэзских купцах.

В селении Лыхны — бывш. резиденция владетельных кавказских князей — я осматривала развалины княжеского дворца, гробницы, церковь, выстроенную в XI веке, с интересной фресковой росписью, часовенку, не старше V века, всю в зелени по случаю праздника, с почерневшими иконами без риз, написанными без малейшего представления о перспективе и светотени, с кистями рук больше головы. К несчастью, стены недавно побелили, и только местами осталась роспись: чья-то голова, плечо... А кто знает, может быть, под известкой, в этой древней часовенке, как в Ай-Софийском соборе, скрывается изумительная древняя живопись...

Потом поехали верхами в горы к таинственному замку на неприступной скале, о котором решительно нигде не упоминается и ничего не известно. Оставив лошадей в селении Ахтара, долго шли пешком и спускались по головоломной тропе, цепляясь за лианы. Изодравшись в кровь о колючки, все-таки добрались до такого места, откуда могли рассмотреть эту археологическую загадку.

В живописной дикой местности, на большой высоте, над пропастью, прилепленный к скале, как осиное гнездо, висит замок. Из-под скалы выходит ледяной поток, который через несколько саженей становится глубокой и довольно широкой рекой Мчишь (Черная река).

Замок не выдолблен в скале, а сложен из цементированных плит с наклоном, который спасает дубовые рамы от дождя. Устройство окон и дверей свидетельствует о том, что его владетели заботились о безопасности и боялись чьих-то пуль. Замок в три этажа, которые сообщаются внутренней лестницей. Кому и зачем понадобилось построить этот неприступный замок? И как в него попадали?

Бывший с нами пастух рассказал, что старики помнят его таким, каков он сейчас. Никаких легенд о нем нет. Одному абхазцу—древнему старику, когда он был подростком,—удалось по веревке спуститься в замок. Он ничего не на

шел там, кроме деревяной чаши, на дне которой был пепел и серебряная ложка.

Памятники не охраняются. Постепенно разрушаются остатки Великой Абхазской стены, которая некогда защищала границы этого края. У самого Сухума, на дне бухты, погребен землетрясением древний греческий город Диоскурия. Рыбаки уверяют, что в тихую погоду при ясном море можно различить стены Диоскурии. Диоскурия еще не исследована, и неизвестно, что таит эта подводная Помпея.

В наиболее нетронутом виде патриархальный абхазский быт сохранился в селении Лыхны, окруженном лесами и снеговыми вершинами. Посреди большого и благоустроенного села—площадь с вековой липой, которую расколола молния.

Под этой липой абхазцы исстари собираются для решения всевозможных вопросов. Эти решения обязательны для всего населения. Советская власть с ними считается.

В 1866 г. на этой площади возмущенные насилиями русского правительства абхазцы уничтожили всех представителей русской власти.

В Лыхнах—собрание по поводу земельного передела.

Не зная языка, мне приходится довольствоваться слабым переводом и чисто внешними впечатлениями. Абхазское красноречие, своеобраз-

ность оборотов, конечно, много теряют при переводе. Но никогда мне не приходилось присутствовать на таком сдержанном,—я бы сказала, культурном,—собрании.

Абхазы выслушивают оратора, не перебивая его ни шумом, ни возгласами, в классической, бессознательно-величественной позе, опираясь на высокий посох или винтовку. Противнику дают высказаться до конца, а возражают с изысканной корректностью, которой мог бы позавидовать любой лорд. Они очень солидарны и дисциплинированы и все вопросы разрешают необычайно быстро.

В соседнем селении мы присутствуем на молении о дожде. Надо сказать, что абхазы почти не религиозны, обрядовой стороны они почти не признают, в церковь не ходят, не венчаются, истари живут гражданским браком, с чем в свое время тщетно боролось царское правительство, к попам относятся с пренебрежением.

— Это слишком важная молитва, чтобы звать попа,—говорят они.

Приглашают самого честного или самого старого человека, который не заученными молитвами, а своими собственными словами разговаривает с богом. Если дело идет об урожае, он красноречиво и убедительно описывает полевую работу, доказывает богу необходимость дождя, иногда даже пытается припугнуть его.

— Ты видишь этот народ, мужчин и женщин, все они много потрудились, чтобы взрыхлить свою землю, удобрить ее, обсеменить. Солнце жгло их, жажда томила... Теперь все дело в дожде. Пошли дождь! Земля жаждет, сохнет. Не будет дождя—не будет урожая, люди перестанут трудиться и земля твоя станет бесплодной.

Абхазы—народ общительный, любят навещать друг друга, интересуются политикой; при встрече со знакомым человеком прежде всего спрашивают:

— Ну, что нового?

Интересуются, кто с кем воюет и кто собирается воевать, какие перемены в правительствах держав. Советской властью довольны. Они говорят: «Другой власти не желаем. Есть и у этой недочеты, ну, да всего сразу нельзя».

Способы обработки земли в Абхазии самые примитивные, но земля богатая, труда требует немного, а кормит. В горах, в зелени и виноградниках разбросаны на значительном расстоянии друг от друга хутора абхазов.

Безукоризненно-чистый двор с традиционной липой (или каштаном) посредине, к которой гость привязывает верховую лошадь. Домик под дранью, с балконом на сваях. Над входом оленьи и турьи рога, нередко шкура медведя, сохнущая на солнце. Внутри ковры, пуховики, подушки,—

чистота, которой могут позавидовать немецкие хозяйки.

В Бзыбской Абхазии, в горах, моими спутниками были двое учителей-абхазов, хорошо знающих местность и обычаи.

У одного из них, молодого учителя-абхазца, оказалось много родственников в этом районе. Нам волей-неволей приходилось заезжать ко всем, а раз попав к абхазу в дом, не скоро выберетесь. Сначала, пока не надоело, это меня забавляло, давало возможность ближе познакомиться с абхазскими обычаями.

Встретив родственника, абхаз бросается к нему, обнимает и целует в плечо. Старые женщины обводят рукой вокруг его головы, заклиная от злых духов.

Когда подходит женщина, мужчины почтительно встают и не садятся, пока она несколько раз не попросит их сесть. Для мужчины считается большим позором, если женщина первая будет его приветствовать. Одна крестьянка так проучила гордого абхазского князя: этот князь, проезжая на коне мимо крестьянских женщин, отворачивался и, чтобы не поклониться, делал вид, что не замечает их. Однажды одна крестьянка, желая его устыдить, встала и поклонилась ему, когда он проезжал мимо. Князь побагровел, нахлобучил от стыда на глаза башлык и,

пришпорив лошадь, ускакал. С того времени, проезжая мимо женщин, он всегда кланялся первый.

Мы располагаемся под липой и любуемся закатом в горах. Патриарх семейства, почтенный седой абхаз, предлагает нам табаку из телячьего пузыря-кисета и задает обычный вопрос:

— Ну, что нового?

Молодые остаются все время на ногах. Этот обычай, по которому при гостях и при старших молодые не садятся, очень строго соблюдается. После политических вопросов разговор переходит к домашним делам.

— Цены на табак не подходящие. Нет смысла разводить табак. Возни с ним много, а пользы никакой.

— Урожай «изабеллы» в этом году ожидается хороший, какого не было давно. А вот с кукурузой дело совсем плохо. Не было дождя, запоздали посеять, а теперь уже поздно.

— Приезжал доктор оспу прививать. Но одна женщина, ясновидящая, возмутила народ, убедив всех, что прививка от злых, а не от добрых духов. Крестьяне отказались дать доктору лошадей, и он должен был возвратиться в Сухум. Так вот, верно ли, что прививка от злых духов?

На рогатке, воткнутой в землю, уже развешаны дымящиеся, кровоточащие внутренности зарезанного в честь нас барана.

Перед нами ставят низкий стол. Подают каждому тарелку с кукурузной кашей (мамалыгой), в которую воткнуты кусочки овечьего сыра. Блюдо дымящейся баранины. Изрубленная на куски жареная птица. Едят руками. Куски мяса и птицы макают в острую, приправленную пряностями подливку из алучи или барбариса. Все запивают розовым кисловатым местным вином «изабелла», которое хозяева подливают все время в стакан из большого глиняного кувшина.

Перед каждым выпитым стаканом произносится тост по очереди за присутствующих, их умерших и живых родственников. Тосты выслушиваются стоя.

Гость наливает стакан вина, выбирает руками лучший кусочек мяса и дает то и другое хозяйке. Та благоговейно принимает это и изливается в потоках красноречия и всяких пожеланий. Мы в это время стоим, не зная, что делать, должно быть, преглупо улыбаемся и киваем головой. Только наш молодой учитель не смущается и очень доволен. Он пьет и уверяет, что иначе хозяева обидятся. Но не хмелеет. Я не узнаю его. В родной обстановке с него точно сползла сусальная позолота культуры и под ней оказался непосредственный, первобытный пирующий абхаз.

Мингрельские и греческие женщины порабощены, угнетены, работают за мужчин, не пользуются никакими правами. Можно видеть, как

гречанка согнувшись тащит из леса на спине целый воз хвороста, а ее муж, грек, в это время дремлет на солнышке.

Абхазские женщины совсем на ином положении. Исстари они занимали общественные должности, даже участвовали в войнах, бывают всюду, где мужчины, на собраниях, скачках, в гостях. Они политически развиты, очень разговорчивы, жизнерадостны. Правда, в домашнем быту абхазов много самобытного, своеобразного и патриархального. Например, молодая, вышедшая замуж женщина не смеет первая заговаривать с родителями мужа. Первое время супруги избегают вместе попадаться на глаза родителям и избегают нежностей при них. Как-то ночью нас провожали от хутора до хутора двое абхазов-братьев; старший ехал с нами, а другой все отставал и держался на почтительном расстоянии в темноте.

— Мой младший брат недавно женился, а потому не должен показываться мне на глаза.

Да, странные обычаи, но женского, восточного угнетения среди абхазов все-таки нет.

Это описание абхазских обычаев и нравов мне хочется закончить рассказом об эпизоде, который я слышала под липой в живописном абхазском хуторе.

Умерла русская, бедная, одинокая учительница, которая при жизни иногда навещала одно-

го из своих учеников-абхазов и как-то, может быть, даже не придавая особого значения своим словам, сказала ему, что хотела бы быть похороненной у него во дворе, под липой.

Учителя сложились и устроили ей скромные похороны. Никто из близких, кроме группы учителей, не шел за ее гробом. У ворот кладбища процессию остановил бедно одетый, запыленный, видимо, издалека приехавший абхаз на двуколке.

— Я пришел исполнить свой долг,—сказал он,—взять ее тело и похоронить под липой, как она велела.

Тело поставили на двуколку. Абхаз поблагодарил учителей за то, что они потрудились, поблагодарил, точно покойница была его родной матерью, и погнал мула.

Много партиархально-человечного сохранилось в этом голубоглазом народе изумрудно-голубой страны.

В ГОРАХ.

На Военно-Сухумской дороге, в живописном ущелье Цибельды, я встретила тов. Шлатера, замнаркомвнудела Абхазии, грозу бандитов. С отрядом и с шестью арестованными им бандитами-сванами (за каждым числилось по несколько убийств) он возвращался с перевала из Малой Сванетии (Абхазской), где произошло несколько преступлений на почве кровавой мести. Арестованные бандиты шли под конвоем с винтовками за спиной (патронные пояса у них отобрали), были бледны и дико, как затравленные звери, озирались из-под своих белых войлочных папах. На одном молодом бандите была красная куртка, а поверх, в виде безрукавки, медвежья шкура.

Тов. Шлатер, по матери абхазец, по отцу—немец. Говорят, унаследовал от обоих отличительные качества этих наций—мужество и стальное упрямство. В горах, в лесу, выслеживая бандитов, каждую минуту ожидая нападения, Шлатер и его люди почти не спали, не раздевались.

Тем не менее энергия его так велика, что он ни минуты не остается спокойным, волнует лошадь, джигитует (в Сухуме на скачках он взял первый приз за джигитовку).

Мы расположились на привал у родника, на разостланной бурке. Шлатер рассказывал:

— Мы должны были изловить одного важного бандита, за которым числилось много преступлений. Он недавно женился и скрывался в горах с женой. Жена его—джигит, в черкеске, бритая голова, кинжал, винтовка... Ну, выследили мы их. В перестрелке бандит был убит, а ее хотели взять живой. Защищалась свирепо. Ранила одного из моих людей, сама застрелилась... Вот каковы эти сванки! Еще любопытный эпизод. Сообщают мне, что жена сванского священника готовится убить одну женщину. Кровавая месть. Попадья эта ушла от мужа с молодым сваном в горы. Но потом вернулась к мужу. И вот сестра священника, чтобы смыть позор, убила свана. Теперь попадья и подстерегает ее, чтобы отомстить за возлюбленного. Сделали мы у попадьи обыск. Нашли карабин. Попадья не защищалась, не просила оставить ей карабин, как всегда делают в подобных случаях. Погладила и поцеловала карабин, как мать ребенка, и, бережно передавая мне, сказала:

«Я знаю, мой карабин, что мне не удержать тебя, но клянусь тобой, что я все-таки отомщу».

Можно с уверенностью сказать, — отомстит.

Шлатер замолчал. Мы все задумались. Быстро темнело. Жуткие скалы придвинулись ближе. Ревел поток. Из высоко черневшей пещеры бесшумно вылетел орел и стал описывать круги. Бандит в медвежьей шкуре угрюмо следил за пернатым хищником.

Вечером, на Сухумской набережной, под пальмами, мы пили абхазский нарзан—анкару. Тов. Бахтадзе, зампредсовнаркома и предчека, убеждал меня отказаться от «сумасбродного намерения» перебраться в Карачай через перевал.

— У меня есть сведения, что по ту сторону перевала неспокойно. Я не ручаюсь за вашу безопасность. Девяносто процентов, что с вами случится несчастье. Имейте в виду, что казаки это не наши кавказские абреки—джентльмены в отношении женщин. Подумайте, чему вы себя подвергаете.

Тов. Бахтадзе не знал, что верный способ заставить журналиста «рискнуть» — это возбудить его любопытство.

— Ну, как хотите. Я вас предупреждал.

На этот раз судьба послала мне надежного спутника—тов. Гумбу—правая рука тов. Шлатера, начальник отряда по борьбе с бандитизмом, худощавый, словно выдубленный солнцем, абхазец. Я много слышала о храбрости и подвигах Гумбы.

Между прочим, на перевале Псху, куда мы держим путь, недавно Гумба застрелил известного бандита, пролившего много крови, терроризовавшего весь район. Это произошло в таком месте, в скалах, что тело невозможно было взять, и в доказательство смерти бандита пришлось доставить в Сухум его голову.

По дороге мы нагнали одного крестьянина из русского селения Псху, который рассказал нам, что в окрестностях Псху скрываются 4 бандита, и показал нам изуродованные уши — их тавро. Односельчанина его убили, а ему удалось удрать, поплатившись ушами.

Мне начинает казаться, что изумрудно-голубой наряд милой, прекрасной страны обрызган рубиновыми каплями.

От Сухума дорога тянется прекрасным лесом, живописными ущельями. Вначале нам попадались армянские и греческие селения, пашни на крутых склонах. В Каманском ущелье мы проехали, не останавливаясь, мимо древнего женского монастыря. Кормили лошадей у «Волчьих ворот», у Двуречья.

Горные цветущие пастбища напоминают мне рассыпанное, пестрое, душистое монпансье «ландрин». Моя лошадь с явным удовольствием забирает и прячет в рот смолистые стебли с фиолетовыми и желтыми венчиками. Проскакав несколько десятков верст рысью и галопом, хорошо

растянуться на траве, вдыхать запах земли и цветов, слушать, как жуют лошади, отмахивающиеся хвостами от оводов, видеть снежные вершины и небо.

Я и Гумба закусываем копченой свиной грудинкой. Абхазцы-мусульмане с отвращением глядят на свинину и отодвигаются подальше.

Абхазцы-христиане удивительно равнодушны к религии, мусульмане—наоборот.

На гребне перевала нас застала гроза с градом и снегом. Мусульмане-абхазцы приписали это гневу божьему и нашим антирелигиозным разговорам.

... Перевал Псху никем не изучен. Он ниже Клухорского, но сложнее и длиннее его. Кроме того, на Клухорский перевал проложена военно-шоссейная дорога, а здесь узкие опасные тропы. На первый гребень мы поднимались несколько часов, все время лесом. Приходилось держаться за гриву лошади и низко наклонять голову от ветвей. Вокруг—могучие дубы, каштаны, чинары, орешники, стволы которых, как змеи, оплели лианы, а с ветвей лохмотьями свисает нечто в роде зеленой паутины. В просветах листвы виднеется голубое небо, влево—гора в виде усеченного конуса. На вершине горы—по преданию—лежит громадный железный якорь (здесь, якобы, некогда было море).

Когда мы поднялись на вершину хребта, както сразу потемнело. Над нами и под нами заклубились облака, ослепительно засверкали кривые и ломаные молнии. В горах жутко загрохотало. Закряхтели столетние дубы и чинары. Листва заговорила, поднялся сильный ветер, наши лошади храпели, упирались, косились на пропасть. Стало холодно, пошел град.

Абхазцы и я ворчали, негодовали на грозу, на дождь. Но Гумба оставался бесстрастным и как будто даже дремал в седле в своей мохнатой бурке и белом башлыке, полуприкрыв нервные, настороженные веки.

Внизу нас ожидал новый сюрприз. Река, которую, как говорят, утром могли вброд переходить дети, после грозы разлилась так, что волны перекатывают через седло. Грозные ревущие волны отделяли нас от горячего ужина и сухой, теплой постели,—по ту сторону реки было большое русское селение. Однако заманчивая перспектива заставила нас решиться. Когда на лошади переплываешь горную бешеную реку, испытываешь, как на карусели, головокружение. Кажется, что вода неподвижна, а лошадь бешено вихрится. Приходишь в себя только на берегу.

Через час-два мы сушились у костра в недостроенном, без стекол и пола, но с крышей, доме и жарили шашлык из дикой козы, добрый кусок которой нам подарили пастухи-охотники.

Мы предпочли начевать здесь, а не в жарко натопленной избе. В русском селении Псху только снеговые горы и виноградники напоминают, что вы в Абхазии; все остальное типично-«расейское»: русская печка, клопы, иконы.

У псхувцев достаточно земли, и хорошей, пастбища, скотина. Жить бы можно, говорят, одна беда—беспокоят бандиты. В этом году бандиты обложили налогом пастухов. У тех, кто не захотел подчиниться, отбили часть скота, так что крестьянам пришлось свой скот выкупать у них обратно. Псхувцы сорганизовали добровольческую дружину. Вся крестьянская молодежь под ружьем, преследует в лесах бандитов, в поле работают лишь старики и женщины.

Сведения о перевале и Карачае мы получили здесь самые неблагоприятные. Еще никто с осени не переходил из Карачая. По слухам, за перевалом—банды зеленых с пулеметами. Недавно псхувцы послали на разведку одного старика, который вернулся с полпути, еле унеся ноги, наткнувшись на банду.

На следующий день мы выехали намеренно поздно и, проехав всего несколько верст, заночевали у пастухов в «балагане» (навес, открытый спереди), у подножья зеленой лесистой горы, чтобы на рассвете начать под'ем на перевал.

Лежим у костра в ожидании, когда закипит в котле молоко и поджарится на вертеле сыр. Снежные вершины, потухая, чуть розовеют. Над нами уже появились серебряные звезды и серебряный месяц. Угрюмые, морщинистые скалы будто плачут,—тают снега. Снизу, со дна ущелья поднимается густая синева.

Опершись передними ножками о камень, в любопытстве застыл, глядя на нас, бородатый, словно из слоновой кости, козлик; вокруг белеют козочки с кокетливыми рожками. Пастухи-мингрельцы подоили коз, процедили сквозь траву в деревянные ведра молоко, согнали и пересчитали стадо и стали вокруг костра, опираясь на высокие посохи.

Что их занимает, о чем они думают? Может быть, среди них есть поэты? Ведь известный грузинский поэт Казбек был также пастухом...

К сожалению, мои абхазцы и Гумба почти не говорят по-мингрельски, а пастухи не понимают ни по-абхазски, ни по-русски. Мы можем только смотреть друг на друга.

Проснулись ночью... У моих ног примостилась козочка. Абхазцы и пастухи спят, завернувшись в бурки у потухающего костра. В горах жутко воют шакалы.

В ХЕВСУРЕТИИ

Хевсуры — воинственное грузинское племя, живущее в горах Восточной Грузии, очень древнего происхождения. Хевсуры носят длинные, до колен, вышитые бисером рубахи (род стихаря). Во всех торжественных случаях они появляются в рыцарских шлемах, с панцырной сеткой, со старинным булатными мечами и щитами.

Хевсуры разделяются на две касты: занимающихся мирным трудом—пастухов и хлебопашцев, и воинственных, делающих набеги и грабящих соседние племена—пшавов и тушинов.

В Тифлисе историк-профессор, рассматривая со мною карту Закавказья, сказал: «Постарайтесь пробраться в Хевсуретии до Шатили» (последнее хевсурское селение у перевала на Северный Кавказ). Однако на деле оказалось, что добраться до Шатили гораздо труднее, чем это представляется, глядя на карту.

Благодаря товарищескому содействию председателя душетского исполкома я отправляюсь

в Хевсуретию на прекрасном гнедом иноходце, в сопровождении надежного милиционера тов. Сулаберидзе, родом из Кутаиса, с усами, как у запорожца, и добродушнейшей физиономией.

Первое время дорога идет почти все время низом, по берегу реки. По сторонам—лесистые и зеленые пшавские горы, местами обглоданные стадами до плешей. При дороге кое-где попадаются заколоченные облупившиеся здания лавок и духанов с выбитыми стеклами, со следами обстрелов. Эти разрушенные здания остались на память о восстании, которое было поднято в Хевсуретии полковником кн. Челокаевым, действовавшим в согласии с меньшевиками.

Не доезжая до Магарос-Кари, у моста — памятник. Здесь трагически погиб председатель Тионетского исполкома тов. Сургуладзе, старый коммунист, работавший в Сибири. Гибель тов. Сургуладзе совершенно непонятна,—он пользовался любовью и уважением решительно всех слоев населения. Тов. Сургуладзе был послан в Хевсуретию для установления советской власти и организации кооперативов. Из Магарос-Кари тов. Сургуладзе возвращался с отрядом милиционеров. Когда он выехал на мост, из леса, с горы по нем открыли огонь. Раненый в ногу и живот, он прожил еще несколько часов. И с удивительным мужеством успел отдать все последние распоряжения.

Из Магарос-Кари нас не отпустили одних без местного милиционера. К нам присоединился молодой подвижный гуриец тов. Датико.

...Дорога идет по берегу пшавской Арагвы. По сторонам—неуклюжие громады пшавских гор, тяжелые, слонообразные хребты. Пшавские селения расположены высоко в горах из опасения нападений. Свои стада (баранту) пшавы вынуждены, вследствие нападений кистов и хевсур, угонять за тридевять земель — в Пасанаур. Пшавские крестьяне, зажиточные, живут главным образом скотоводством, у многих свыше 2.000 голов баранов.

Пшавский пейзаж грубоват, особенно по сравнению с изящными видами Сванетии. Но чудесно селение Чаргали, родина Важа Пшавели, известного пшавского поэта.

Пшавели был первый пшав, дошедший до петербургского университета. Вся жизнь его протекала в нужде и заботах. Долгое время он был сельским учителем. В год несколько раз приезжал он на лошади в Тифлис, привозил с собою полный «хуражин» рукописей и оставлял их своему издателю за двадцать рублей, на полный его произвол. Потом снова возвращался в горы творить легенды и песни.

Тов. Датико указал мне на чуть видное на вершине довольно высокой горы селение Хоми: «Там мы будем ночевать».

Добравшись до первого двора и ограды из камней, выдерживаем нападение презлых собак.

Тов. Датико ведет нас к знакомому пшаву. Зажиточный хозяин: дом крыт железом (единственный в селе), камин—признак наивысшей культуры (у других очаг). На полу, вдоль стен, бурдюки, в которых хранится бараний сыр. Большой медный котел полон желтым топленым маслом. Под потолком подвешены окорока, бараний жир, копченая и вяленая рыба.

Нас встречают радушно, как самых дорогих гостей. Меня усаживают на низкую тахту, крытую ковром, со множеством подушек. Датико и Сулаберидзе устраиваются поближе к очагу, курят и беседуют с хозяином. Я не понимаю по-пшавски, но догадываюсь, что добродушный Сулаберидзе немножко хвастает мною и преувеличивает мою миссию. Он достает со дна папахи номер газеты, который я ему подарила, и, значительно подняв указательный палец, читает по складам: «Известия Центрального Исполнительного Комитета»...

По-детски он упрашивает меня достать карту и показать хозяевам Тифлис, Кутаис и другие города. Ко всеобщему изумлению и восторгу я нахожу на карте селение Хоми.

Как переводчик тов. Сулаберидзе не годится, слишком горяч, говорит больше от себя.

Устав его останавливать, я прибегаю к помощи тов. Датико.

Узнаю, что пшавы платят налоги за землю, скот, за пользование пастбищами и лесом. Эти налоги наш хозяин-пшав не считает для себя обременительными. Единственно, чего бы он хотел от правительства,—это защиты от хевсуров и кистов, нападающих на скот.

Вся семья, не исключая мужчин, приступает к священнодействию — приготовлению ужина. Хозяин собственноручно, выбрав из деревянного корытца самый жирный кусок баранины, приготовляет фарш. Женщины месят тесто и раскатывают его на тонкие лепешки, которые передаются мужчинам. Те кладут в тесто фарш и лепят пирожки, похожие на сибирские пельмени. Стол заменяет род лавки, на которой старуха-пшавка расставляет кувшины с аракой и блюда с дымящимися пельменями, которые едят с острой приправой из толченого чеснока. Ножей и вилок не полагается, едят руками. Женщины ужинают отдельно.

Во время ужина двери распахиваются: вбегает молодой пшав с винтовкой в руках и, совсем как в водевиле, начинает искать, куда бы спрятаться. Увидав милиционеров, он несколько успокаивается и рассказывает, что за ним гонятся и хотят убить братья женщины, которую

он увез из соседнего села и на которой желает жениться. Женщина согласна, но братья не отдают ее за него. Милиционеры, взяв винтовки, уходят с ним и возвращаются только поздно ночью, не совсем твердо держась на ногах. Дело улажено. Братья пошли на мировую. По этому случаю, конечно, зарезали барана и попировали на славу.

Пшавские женщины показали мне землянку, не больше собачей конуры, вырытую в нескольких саженях от дома. В такие землянки женщины должны удаляться на время родов.

Собираясь лечь спать в верхнем этаже, где мне постлали, я, к своему удивлению, заметила на соседней кровати покойника, накрытого простыней. В ногах—зажженная свеча, бутылка с аракой и яблоки. Я приподняла простыню. Оказалось, что это не покойник, а всего только вещи покойного: головной убор из башлыка, черкеска, надетая на голубой бешмет, пояс, кавказские сапоги, в головах—свернутая бурка, в ногах—седло с серебряными украшениями. У пшавов обычай: когда человек умирает, его постель и вещи остаются неприкосновенными. В годовщину смерти созывают со всего села гостей, лучшие наездники садятся на коней и скачут прямиком через горы. Они должны в один день об'ехать родственников покойного и вернуться обратно. Кто

придет первый,—получает лучшую вещь, любимую лошадь покойного или ружье, второй — седло, и т. д. Раздается все имущество, принадлежащее покойнику.

Засыпая, я видела, как вошла молодая вдова, поставила чашку с пельменями, которые были за ужином, и долго молилась. Через несколько недель, когда кончится траур, она должна будет выйти замуж за брата покойного, как того требует пшавский закон.

Из предосторожности мы не сказали даже своим хозяевам, когда едем дальше. На рассвете с трудом поймали в горах своих лошадей, оседлали и тронулись в путь.

...Граница Хевсуретии—Орцхали (две реки). Типичное бандитское место. Дорога вьется по дну узкого ущелья, стиснутого высокими скалами, за выступами которых чудится притаившаяся смерть. Высоко, высоко парят орлы. Милиционеры держат наготове винтовки и зорко смотрят по сторонам.

— Несколько дней назад,—поравняв со мною лошадь, шепчет тов. Датико, — пшавы убили хевсура, который хотел перейти границу. Трех дней не проходит, чтобы в Магарос-Кари нам не сообщили о новом убийстве или ограблении на границе. Ты думаешь, нас сейчас не высма-

тривают из-за какого-нибудь камня? Если не тронут, то только потому, что ты с нами.

Не знаю, чем об'яснить, почтительным ли отношением кавказских бандитов к женскому полу или счастливым случаем, но мы благополучно проехали скалы Орцхали и перешли границу Хевсуретии.

«БАНДИТСКОЙ» ТРОПОЙ

Посовещавшись, мы решили ехать не по берегу Арагвы, а верхней «бандитской» тропой. Нижняя дорога перед нами, как на ладони. Датико выбирает на дороге большой камень, целится и стреляет. Камень раскалывается. Представляю себе вместо Датико бандита, а вместо камня—живую цель, одного из нас...

Селения редки и расположены высоко в горах. Встречаются посевы и луга. Хевсуры в своих длинных до колен рубахах, с мешками на ногах (пачичи) и в кожаных лаптях (калабами) даже в поле за работой не расстаются с кинжалом и винтовкой, которая висит у косаря за спиной. Хевсуры-мужчины высоки и сильны; среди них попадаются красивые. Женщины стриженые и безобразные. Головной убор женщины—кольцо из материи, в роде тех, что разносчики подкладывают под лоток; бесформенные рубахи до пят из грубой домотканной шерсти подпоясаны ниже талии. На шее мониста. Оттого, что они всегда спят в ящике, наполненном соломой, в волосах их

соломинки. Лица и руки лоснятся от масла, которым они промасливают и свои одежды (хесуры не носят белья и не умываются). Разговор хевсурок похож на вороний крик. Мои милиционеры свободно об'ясняются с хевсурами-мужчинами, но женщин не понимают.

Барисахо—большое селение на склоне горы. Ниже — белая в грузинском стиле церковь, выстроенная Николаем II, остов сгоревшей школы. Над всем селением возвышается квадратная башня с бойницами. Эту башню построил герой Суханавури, прославившийся своими победами над кистами. Кисты не давали житья хевсурам. Суханавури один пошел на них и возвратился с вещественным доказательством своих побед: с мешком, набитым головами убитых, среди которых была голова муллы. Кисты выкупили голову муллы у Суханавури за большие деньги. На эти деньги и выстроена башня. Вскоре после этого герой был убит кистами вследствие предательства шатильцев. С тех пор началась кровная вражда между хевсурами из Барисахо и из Шатили.

В Барисахо нас заметили. Навстречу спускается старик.

При помощи Датико я об'ясняю им зачем приехала и прошу дать мне проводника до Шатили. Мы все усаживаемся под деревом. Выясняется, что в Барисахо есть исполком, но

председатель этого исполкома живет далеко в горах, и до него в сутки не дойти.

— Да вряд ли он тебе сможет помочь. Кроме печати у него ничего нет, ни одного милиционера. Мы очень рады тебе, живи у нас, но проводить тебя в Шатили не можем, так как сами туда не ходим. Шатильцы убьют и нас, и тебя.

Не возвращаться же обратно? И я решаюсь на крайнее средство.

— Если ваши мужчины трусы,—говорю,—то им надо ходить в юбке, а я одна пойду в Шатили.

Датико с большим смущением переводит мои слова. Что тут сделалось! Почтенный «ареопаг» поднялся на ноги и угрожающе зашумел. Из толпы молодежи, стоящей в стороне, выступил высокий хевсур и с гордо поднятой головой обратился ко мне. Датико переводит. Хевсур говорит, что он не может снести, чтобы руссис кали (русская женщина) думала о хевсурах, как о трусах. Недавно он убил одного шатильца, и ему нельзя показаться туда, но раз на то пошло, он согласен проводить меня, если я пойду с ним ночью.

Мы уговариваемся тронуться в путь на следующий день. Отец героя Суханавури, старик Гоготури, приглашает меня в свой дом. Дом его возле башни. Хевсурское жилище очень бедно. Снаружи, под навесом, сушатся кожи

убитых животных и табак. Внутри, посреди довольно большого помещения, очаг. Вещей почти никаких нет. Кровать—деревянный ящик, в который брошена солома. Но множество медной посуды: тазы, котлы и т. п. Старуха-хозяйка у костра похожа на колдунью. Ее молодая невестка, вдова убитого героя, весело шутит под горой с милиционерами, подразнивает Датико, говоря, что он не умеет стрелять. Хевсурка держит доску—цель, а Датико стреляет. Во время выстрела хевсурка не дрогнула.

После героя Суханавури остался сын, мальчик лет 7—8. Я спрашиваю его об отце.

— Отца убили кисты. Когда мне исполнится 13 лет, я пойду и убью их.

Поздно вечером Датико сказал мне, что меня хочет видеть один человек, которому никак нельзя прийти в дом Гоготури.

Идем узенькими улицами, заваленными камнями. У одного дома передо мной вырастает хевсур—не преувеличивая—ростом под крышу; молчаливым жестом приглашает нас в дом. Присаживаемся к очагу. Великан-хевсур об'ясняет мне, при помощи Датико, что он скрывается от правительства. Еще в царские времена его преследовала полиция, как бандита. Теперь он подозревается в одном убийстве. Но он уверяет, что в последнем преступлении он не

виноват. Убили пшавы. Он может доказать, выставить свидетелей. Ему надоело быть бандитом и скрываться в горах. Тем более, что недавно он женился. Взял себе в жены дочь старика Гоготури против воли последнего. Гоготури поклялся ему мстить, но если правительство его амнистирует, то можно будет помириться с сердитым тестем. Его просьба ко мне—передать наркомвнуделу, т. Гегечкори в Тифлисе об этом его желании. В доказательство того, что он не годится в бандиты, великан показывает мне изуродованную ужасной кинжальной раной руку. Впрочем, я не видала ни одного хевсура, который бы не был ранен. Решительно у всех на лице и руках кинжальные отметки.

На утро, когда я и мой проводник—хевсур Миха Кераули—садимся на лошадей, выбегает из соседнего дома взволнованная хевсурка и начинает осыпать меня, повидимому, упреками. Хватает камень и пускает в мою лошадь. Я ничего не понимаю. Что надо ей?

Миха Кераули смущенно молчит.

От'ехав и оглянувшись, я увидела, что хевсурка забрала свои вещи из дома и уходит в горы. В пути Кераули признался, что это была его жена, которую смутило, что «руссис кали» уводит куда-то ее мужа. Так это была сцена ревности! Я подарила Кераули для его жены разных безделушек: лент, ниток, душистое мыло.

Он расцвел и заявил, что перед такими подарками его жена не устоит, и они помирятся.

...Ущелье то расширяется, то суживается. Горы становятся все выше и выше. Возле одного селения мы проезжаем мимо «икон»—подобие языческого капища, в углублении которого высечено на камне какое-то изображение. Внутри сложенной из камней часовни котел для варки пива и очаг. У каждого селения имеется своя «икона». Земли икон обрабатываются миром. Собранный урожай идет на пиво, которое варят во время больших праздников с жертвоприношениями. Священников в Хевсуретии заменяет хевис-бери (монах ущелья).

Ближе к селению Аче начинаются большие посевы. Дома в большом селении Аче в 3—4 этажа, прилеплены к скале, при чем крыша первого этажа является двором, террасой для второго. В первом этаже помещается скот, во втором живут люди, в третьем хранится сено.

По ту сторону реки, на склоне горы, виднеется сожженное во время прошлогоднего челокаевского восстания селение Бисо.

Горы Хевсуретии подавляют.

Мы поднимаемся на один из самых трудных перевалов—Датвисджвари (в переводе: медвежий крест). Сбоку высится снежная вершина Чаухи—одна из самых высоких вершин Кавказа. Местами лежит снег, холодно, а всего час-пол-

тора назад мы не знали, куда деваться от палящих лучей солнца.

На наше счастье навстречу нам попадается хевсур с осликом и привязанным к седлу хорошеньким барашком. Хевсур направляется с жертвенным барашком в село Чала к «иконам» на праздник успения богородицы. Он останавливает нас, чтобы по обычаю угостить аракой. Арака противна на вкус и пахнет бурдюком, но, чтобы согреться, я делаю несколько глотков из рога.

На обратном пути мы встретили того же хевсура. Араки в бурдюке уже не было, от хорошенького барашка остались только легкие и сердце, которые он вез домой.

По ту сторону перевала мы всюду встречаем погибшие посевы, побитые морозом. Потом снова едем низом, по берегу реки. Лошадь хевсура не поспевает за нами и то-и-дело спотыкается. Раза два он перелетает через голову своего коня. Но мой иноходец бесподобен, я не чувствую его под собой.

... Квадратная башня. На скале развалины старого замка и, словно прилепленное к горе, селение Лейбайскари.

Наше неожиданное появление вызывает переполох. Хевсуры и хевсурки спешат к нам со всех сторон. Даже пастух забыл свое стадо, сошел с горы и, опираясь на длинный посох,

во все глаза смотрит на нас. Хевсурки рассматривают меня с неменьшим интересом, чем я их. Щупают материю моего костюма, дивятся на высокие каблуки моих ботинок. Я захватила для подарков всяких мелочей, в том числе мыла. Но оказывается, хевсурки даже не знакомы с его употреблением. Больше всего их прельщают блестящие пуговицы, а мужчин— спички и бумага.

Мы останавливаемся в доме хевсура, у которого две жены. От первой не было детей, поэтому он взял вторую, не прогоняя первую. Это принято у хевсуров. Старшая жена с радушной улыбкой ставит перед нами деревянные чашки с твердыми, как камень, лепешками и сыром. Все—и руки хевсурки, никогда не видавшие мыла, и хлеб, и сыр — настолько не аппетитно и грязно, что несмотря на голод, я едва могу проглотить кусок, чтобы не обидеть хозяев.

В Лейбайскари когда-то был исполком, но давно прекратил существование. Бывший председатель этого исполкома немного говорит по-русски. От имени всего села он выражает мне признательность за мой приезд («с 1914 г. к нам никто не заглядывал»), просит выслушать его и передать потом его слова в Тифлисе. Он говорит, что положение хевсуров стало невыносимым. Они заперты в своих горах и не могут

привезти ни соли, ни муки. За пуд соли они охотно дают 3—5 пудов масла, но нет охотников рисковать жизнью.

В начале августа выпал снег и уничтожил все посевы, так что в этом году они даже не будут собирать. Молочные припасы гибнут без соли,—одним словом, зимой предстоит голодная смерть, если не будет помощи. Нет доктора, нет лекарств. Все поголовно больны лихорадкой. Появилась чахотка. Хевсуры согласны даже на переселение, лишь бы какое-нибудь спасение.

— Передай, что мы признаем советскую власть и просим нам помочь—защитить нас от кистов или дать нам патронов, чтобы мы сами могли защищать себя [1]).

Из Лейбайскари я должна была выехать вдвоем с Миха Кераули, но в последнюю минуту милиционеры решили, что не оставят меня и поедут с нами.

Под вечер мы выехали из Лейбайскари.

Извилистое ущелье становится все уже и теснее. В боковых ущельях видны неприступные старинные крепости и развалины башен. Скалистые горы обросли мохом. Кое-где из

[1]) Вернувшись в Тифлис, я исполнила поручение хевсуров. Грузинское правительство направило в Хевсуретию муку, соль, мануфактуру и наладило дальнейшую связь.

скалистой щели вылезает куст. На дне ущелья ревет бурная Арагва. Тропа вьется по краю пропасти; мы с трудом переходим с помощью связанных винтовок.

В горах быстро темнеет. Надвинулась темная, темная ночь. Ни просвета, ни звездочки над головой. Только по заглушенному шуму на дне ущелья я догадываюсь о глубине пропасти под нами.

Лошадь идет сама, я давно бросила повод...

Миха Кераули—впереди со своей винтовкой; весь внимание и настороженность.

Так, в полной темноте, по краю пропасти, мы едем уже несколько часов. Устав от нервного напряжения и длинной дороги, отчаявшись когда-нибудь добраться до Шатили, я предлагаю Кераули дождаться рассвета под скалою. Но он молчит, к чему-то чутко прислушиваясь, готовый каждую минуту спустить курок. Вскоре он заставляет т. Сулаберидзе снять белую папаху (хорошая мишень) и сам снимает башлык. До сих пор я видела перед собою в темноте два движущихся белых пятна, а тут они исчезли. Не знаю, как случилось, но мы с Датико (он ехал последним) отстали. Помню, в одном месте, на дне ущелья, тропа пропала, и мы попали в водоворот ледяной Арагвы по брюхо лошади. Нас стало относить течением назад. Датико кричал, звал Сулаберидзе и Кераули, но его крики

пропадали в реве Арагвы. Умные лошадки как-то сами выкарабкались по камням, и мы снова стали подниматься вверх. Одежда намокла и прилипала к телу, как ледяной компресс.

... Давившие, словно стены склепа, скалы неожиданно расступились. Стало чуть посветлее, а впереди—наконец-то—огни Шатили. Вот и наши спутники. Залаяли собаки. И сейчас же,—должно быть шатильцы привыкли к ночным тревогам и постоянным нападениям,—в разных местах зажглись смоляные факелы, при красноватом свете которых я увидела башни и стены Шатили, знакомого мне по выцветшим гравюрам старых английских художников, и шатильцев с винтовками на высокой стене из камней.

Нас окружили. Мою лошадь кто-то ведет под уздцы.

Я не знаю, гостья я или пленница.

Большое наслаждение—снять тяжелые намокшие башмаки и греться у очага. Глаза слезятся от едкого дыма, но это пустяки. В подвешанном на цепи, над огнем, большом котле вскипает молоко; хозяйка, молодая женщина, позвякивая монистами (дзыви), засыпает в котел кукурузную муку. Мы с аппетитом уничтожаем вкусную молочную, кукурузную кашу, щедро политую топленым маслом. Хозяин—шатилец, бывший солдат русской армии, немного говорящий по-

русски, дает нам насытиться, потом между нами происходит такой разговор:

— Откуда ты приехала?

— Сейчас из Тифлиса, а сама из Москвы.

— Сашу Гегечкори знаешь?

— Знаю. Наркомвнудел Грузии.

— Ну, опиши, каков он.

Описываю.

— Да вот смотри,—прибавляю,—мандат подписан им.

Допрос окончен с благоприятным для меня результатом. Шатилец становится любезнее и разговорчивее.

— Ты не обижайся на меня. Друг Саши — наш друг. Сашу мы знаем, он у нас ночевал, и я его провожал, на спине нес, когда он, раненый, после операции, пробирался с Северного Кавказа через Хевсуретию. Он у нас скрывался от меньшевиков. А нового человека мы боимся, провокации боимся. Это хорошо, что ты к нам приехала. У нас с 14-го года никто не был, газет мы не видим, сами никуда из своих гор не выходим. Завтра созову стариков— сход, ты нам все расскажешь, что делается на свете, а мы тебе—о своих делах.

Проснувшись на следующее утро, я прежде всего с интересом оглядела окрестность. При дневном свете стены и башни Шатили были не менее величественны, чем ночью, при свете факе-

лов. Над Шатили поднимаются горы главного Кавказского хребта, убеленные сединой снегов. Во все стороны лучами расходятся ущелья, с серебристыми, ужом извивающимися, горными речками. В центре села — часовня.

— Старики собрались и ждут тебя.

Я сижу на камне, а передо мною человек десять сребробородых стариков. На их ветхой, изношенной перанчи (рубахе) чуть заметны следы бисерных крестов, старинной вышивки, которая могла бы стать украшением любого музея. Вокруг нас кольцом сомкнулись шатильцы. Некоторые в полном боевом рыцарском облачении. Жалею, что со мною нет кино-оператора.

Действительно, шатильцы знают о том, что делается на свете не больше, чем о луне. Самый старший из стариков задает мне такой вопрос:

— Кто теперь в России царь?

Внимательно выслушав меня и подумав, он задает мне другой вопрос:

— Разве у советского правительства нет врагов, что нас не призывают? Или советские вожди не знают, какие мы воины?

— Ты напиши в своих газетах и расскажи в Тифлисе, что мы тебе скажем. Мы живем в своих горах, как арестанты. Даже ночью не выпускаем винтовки. Наши женщины выплакали свои глаза. Мы ждем, чтобы правительство дало нам порядок, а не то уйдем на другую землю.

Шатильцы подтвердили все то, что я слышала уже от лейбайскарцев: дороги закрыты, мороз побил пшеницу, нет ни муки, ни соли, зимой—голодная смерть.

Все население Шатили вышло нас проводить. Когда я уже сидела на лошади, ко мне подошел статный шатилец и задал мне несколько довольно странных вопросов:

— Зачем ты к нам приезжала? Зачем спрашивала, сколько у нас земли? Англичане и французы, которые раньше приезжали к нам и пишут книги, не интересовались этим. Твое правительство хочет заставить нас платить налоги?

— Ты знаешь, кто это был, — сказал мне, Датико, когда мы от'ехали,—самый главный их бандит Ликокели.

Шатильские старики поручились, что со мною и с моими спутниками ничего не случится в их горах. Слово кавказцев верно...

В одном месте из кустов кизила, по ту сторону реки, вдруг показалось трое всадников—хевсуры с винтовками—и крикнули нам, чтобы мы остановились.

— Бандиты,—шепнул мне Датико.—По ту сторону реки никто, кроме бандитов, не ездит.

Миха Кераули спустился к ним, о чем-то поговорил, и мы поехали дальше. Миха Кераули так и не сказал нам, кто были эти всадники и зачем они нас остановили.

Вечером, когда уже стемнело, мы под'ехали к сел. Чалай-Сопели. Возле «икон» собрался народ со всей окрестности для жертвоприношения. Нас остановили. Не совсем твердо стоявший на ногах хевсур поднес мне рог с черным пивом «люди».

— Выпей, сестра, не обидь нас.

Датико и Сулаберидзе пьют из своих войлочных панам, которые в необходимых случаях заменяют им ковш.

Женщинам присутствовать при жертвоприношении не полагается, но меня, как иностранку, приглашают в часовню. Часовня из камней, без окон, вдоль стен лавки, посреди очаг, в углу стол, уставленный всевозможными серебряными сосудами: сливочник, сахарница, кофейник, бокал и т. д. К краю сосудов прилеплены зажженные свечи. Напоминают елку. Тут же лежат лепешки на масле с начинкой из поджаренной муки. Хевис-бери (монах ущелья), встав лицом к востоку и простирая руки над зажженными свечами, говорит какую-то молитву, упоминая имена царей Вехтанга, Ираклия, св. Георгия. Хевсуры слушают молча, стоя друг перед другом и в известных местах молитвы разом поворачиваются к востоку и крестятся. Потом Хевис-бери раздает присутствующим серебряные сосуды с «люди», мне подают в старинной работы серебряной сахарнице. Все смотрят на меня. Я

в большом смущении. Помню, что надо выпить, но что делать со свечей?—Тушить или нет?

Тушу и делаю погрешность против хевсурского этикета.

Остальные пьют, подпаливая себе носы огнем свечи. Все усаживаются вокруг очага, обносят пивом, аракой, лепешками, шашлыком из жертвенного барашка. Подходят новые гости, церемония начинается сначала—так до утра. Все село навеселе. Мои милиционеры тоже угостились через край. Все это меня вовсе не радует. Ссылаясь на усталость, прошу проводить на ночлег.

Ночь темнее, чем в арабской сказке. Впереди идет проводник-хевсур, сильно подвыпивший, за ним едут, едва держась в седле, Кераули и Датико, я—последняя. Днем до села, казалось, рукой подать, а ночью путь кажется бесконечно длинным. Спустились к реке, перешли брод, поднимаемся вверх. Ни зги не видно. Под'ем крутой, недавно прошел дождь, лошади скользят. На верху горы из дома вышла хевсурка с масляным светильником. На миг осветились крутой склон, обрыв, плетень и зеленый табак. Но хевсурка, должно быть испугавшись русской речи, скрылась со своим светильником в дом; сразу стало еще темнее. Наши лошади испуганно шарахнулись в сторону. Хевсур, шедший впереди, упал, потянул за собою лошадь Датико,

на них наскочила лошадь Кераули. Образовалась каша из людей и лошадей. Моя лошадь упала на колени, я ее удержала на поводах. Она вскочила, но сейчас же села на задние ноги, опять вскинулась со мной через какой-то плетень. Я успела высвободить из стремян ноги и падая старалась упасть подальше от того места, где слышался лошадиный храп, звон копыт, ругань хевсуров и Датико. Лежу в грядах табака. Цела. Снизу к нам бегут на помощь хевсуры, слышу отчаянный голос т. Сулаберидзе:

— Где русис кали? Где русис кали?

Осветив место происшествия, мы извлекли из-под лошадей хевсура-проводника, Миху и Датико. Все отделались одними ушибами.

Я проехала всю Хевсуретию до Шатили и вернулась обратно благополучно. Хевсуры произвели на меня самое лучшее впечатление. Своеобразно-честный, мужественный и умный народ. Несомненно талантливый. Как они говорят, какие художественные образы!

Раньше хевсуры недоверчиво относились ко всяким «вторжениям» в их горы и «просвещению». Теперь они сами призывают советское правительство.

Я счастлива, что могла напомнить об этом забытом, но многообещающем народе.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр

1. В солнечной Абхазии 5
2. Туземные сказки 1
3. Патриархальный быт 2
4. В горах 31
5. В Хевсуретии 3
6. „Бандитской тропой“ 4

СКЛАД ИЗДАНИЯ
...ква 12, Ильинка, 5. Тел. 7-85.
Издательство
„ИЗКУЛЬТУРА И ТУРИЗМ“